

ГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КВЕНЬЯ

FANA / SPAN

“white”

fanta- “to fall asleep, to go dazed, to swoon”, *fantl* “vision, dream, hazy notion, imaginary idea”, *fansa* “a swoon”, *fanya* “cloud”.

*bhā

“сиять; говорить”

φαίνω “являть(ся)”, *φαναῖος* “светящий”, *φαντάζομαι* “являться (о снах)”, *φαντασία* “представление”.

RINGI

“cold”

ringa “damp, cold, chilly”, *ringwe* “rime, frost”, *hríve* “winter”.

*srīgos

“ХОЛОДНЫЙ”

τὸ ῥῆγος, εος “холод, дрожь”.

KYELE / KWEL

“go, run (of water)”

tyel “end”, *tyelema* “final”, *quel-* “to fade, to wither”.

*kwel-

“вращаться”

τὸ τέλος, εος “конец”.

ТЕКЕ

“make marks”

teke- “to write”, *tengwa* (***tekma**) “letter”.

*kwek’-

“ВИДЕТЬ”

τὸ τέκμαρ “знак, признак”.

КОНТЕКСТЫ

Письма

«It was just as the 1914 War burst on me that I made the discovery that 'legends' depend on the language to which they belong; but a living language depends equally on the 'legends' which it conveys by tradition. **(For example, that the Greek mythology depends far more on the marvellous aesthetic of its language and so of its nomenclature of persons and places and less on its content than people realize,** though of course it depends on both. And *vice versa*. Volapük, Esperanto, Ido, Novial, &c &c are dead, far deader than ancient unused languages, because their authors never invented any Esperanto legends.) So though being a philologist by nature and trade (yet one always primarily interested in the aesthetic rather than the functional aspects of language) I began with language, I found myself involved in inventing 'legends' of the same 'taste'» [180. To 'Mr Thompson' 14 January 1956].

«This is hardly 'correspondence'; but I must just write to wish you good fortune in 1969. ....My library is now in order; and nearly all the things that I thought were lost have turned up. (Also some things which I thought were lost before the move!) Joe Wright's Gothic Gram[mar] first edn. has vanished; but it is of no importance, except sentimental. It was the acquisition of this by accident that opened my eyes to a window on 'Gmc. philology'. No doubt it contributed to my poor performance in Hon. Mods.; though it guided me to sit at the feet of old Joe in person. He proved a good friend and adviser. **Also he grounded me in G[reek] and L[atin] philology. (It was only many years later that I discovered and met the angelic examiner who gave me $\alpha+$ in Gk. Philol. and so saved my 'bacon',** by squeaking into a 'second' instead of merited 'third'...» [308. To Christopher Tolkien, 2 January 1969].

«The archaic language of lore is meant to be a kind of 'Elven-latin', and by transcribing it into a spelling closely resembling that of Latin (except that *y* is only used as a consonant, as *y* in E. *Yes*) the similarity to Latin has been increased ocularly. **Actually it might be said to be composed on a Latin basis with two other (main) ingredients that happen to give me 'phonaesthetic' pleasure: Finnish and Greek.** It is however less consonantal than any of the three. This language is High-elven or in its own terms *Quenya* (Elvish)» [144. To Naomi Mitchison, 25 April 1954].

Сильмариллион

Айнулиндале

«И пришло время, когда Илуватар созвал всех Айнуров и задал им мощную тему, открыв им вещи огромней и удивительнее всего, что являл прежде; и величие начала ее и блеск конца так поразили Айнуров, что они в безмолвии склонились пред Илуватаром.

И тогда сказал им Илуватар:

- Я желаю, чтобы из этой темы, что я задал вам, вы все вместе создали Великую Музыку. И, так как я зажег вас от Неугасимого Пламени, вы явите теперь силы свои в развитии этой темы - каждый, как думается и желается ему. А я буду сидеть и внимать, и радоваться, что через вас великая краса придет в песню...

И молвил тогда Илуватар:

- Могучи Айнуры, и самый могучий из них – Мелькор; но должно знать ему - и всем Айнурам, - что я есмь Илуватар...

- Мне ведома жажда ваших душ, чтобы то, что вы видели, было на самом деле, не только лишь в ваших помыслах. Потому говорю я: Эа! Пусть все это Будет! И я вкладываю в Ничто Негасимый Пламень, и он станет сердцем Мира, Что Будет; и те из вас, кто пожелает, смогут спуститься туда...

Так начались их великие труды в пустотах неизмеримых и неизведанных и в веках бесчисленных и позабытых, покуда в Глуби Времени и среди обширных чертогов Эа не пришел час и место, где было сотворено жилище Детей Илуватара...» (Сильмариллион. Айнулиндале).

«Когда же все боги – как те, чье движение совершается на наших глазах, так и те, что являются нам, лишь когда сами того пожелают, – получили свое рождение, родитель Вселенной обращается к ним с такой речью:

"Боги богов! Я – ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля. Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. А потому, хотя вы, однажды возникнув, уже не будете совершенно бессмертны и неразрушимы, все же вам не придется претерпеть разрушение и получить в удел смерть, ибо мой приговор будет для вас еще более мощной и неодолимой связью, нежели то, что соединили при возникновении каждого из вас. Теперь выслушайте, чему наставит вас мое слово. Доселе еще пребывают нерожденными три смертных рода, а покуда они не возникли, небо не получит полного завершения: ведь оно не будет содержать в себе все роды живых существ, с а это для него необходимо, дабы оказаться достаточно завершенным. Однако, если эти существа возникнут и получают жизнь от меня, они будут равны богам. Итак, чтобы они были смертными и Вселенная воистину стала бы Всем, обратитесь в соответствии с

вашей природой к образованию живых существ, подражая моему могуществу, через которое совершилось ваше собственное возникновение. Впрочем, поскольку подобает, чтобы в них присутствовало нечто соименное бессмертным, называемое божественным [началом], и чтобы оно вело тех, кто всегда и с охотой будет следовать справедливости и вам, я вручу вам семена и начатки созидания, а но в остальном вы сами довершайте созидание живых существ, сопрягая смертное с бессмертным, затем готовьте для них пропитание, кормите и возвращайте их, а после смерти принимайте обратно к себе".

Так он молвил, а затем налил в тот самый сосуд, в котором смешивал состав для вселенской души, остатки прежней смеси и смешал их снова примерно таким же образом, но чистота этой смеси была уже второго или третьего порядка; всю эту новую смесь он разделил па число душ, равное числу звезд, и распределил их по о одной на каждую звезду. Возведя души на звезды как на некие колесницы, он явил им природу Вселенной и возвестил законы рока, а именно что первое рождение будет для всех душ установлено одно и то же, дабы ни одна из них не была им унижена, и что теперь им предстоит, рассеявшись, перенестись на подобающее каждой душе орудие времени и стать теми живыми существами, которые из всех созданий наиболее благочестивы; поскольку же природа человеческая двойственна, лучшим будет тот род, который некогда получит наименование мужей.

Когда же души будут по необходимости укоренены в телах, а каждое тело станет что-то принимать в себя, а что-то извергать, необходимо, во-первых, чтобы в душах зародилось ощущение, общее им всем и соответствующее вынужденным впечатлениям; во-вторых, чтобы зародился эрос, смешанный с удовольствием и страданием, а кроме того, страх, гнев и все прочие [чувства], либо связанные с названными, либо противоположные им; если души будут над этими страстями властвовать, их жизнь будет справедлива, если же окажутся в их власти, то несправедлива. Тот, кто проживет отмеренный ому срок должным образом, возвратится в обитель соименной ому звезды и будет вести блаженную, обычную для пего жизнь, а тот, кто этого по сумеет, во втором рождении сменит свою природу па женскую. Если же он и тогда не перестанет творить зло, ему придется каждый раз перерождаться в такую животную природу, которая будет соответствовать его порочному складу, и конец его мучениям наступит лишь тогда, когда он, решившись последовать вращению тождества и подобия в себе самом, победит рассудком многообразную, имеющую присоединиться к его природе смуту огня и воды, воздуха и земли, одолеет их неразумное буйство и снова придет к идее прежнего и лучшего состояния.

Распорядившись таким образом, чтобы впредь не оказаться виновником ничьей порочности, он перенес посев [душ] отчасти на Землю, отчасти на Луну, отчасти на прочие орудия времени. После этого посева он передоверил новым богам извять смертные тела и притом еще добавить то, чего недоставало человеческой душе, а после, приготовив все к этому относящееся, осуществлять правление и возможно

лучше и совершеннее вести смертное существо, чтобы оно по стало само для себя причиной зол.

Сделав все эти распоряжения, он пребывал в обычном своем состоянии. Между тем его дети, уразумев приказ отца, принялись его исполнять: они взяли бессмертное начало смертного существа, а затем, подражая своему демиургу, заняли у космоса частицы огня и земли, а также воды и воздуха, обещав впоследствии вернуть их...» (Платон. Тимей, 41a-d, 42e).

Атлантида

«Так было положено начало народу, который на языке Сумеречных Эльфов звался дунаданами - то были нуменорцы, Царственное Племя. Но и они не избежали смертного жребия, предначертанного людям Илуватаром, и остались смертны, хотя их век удлинился, и болезни им были неведомы, пока тень не пала на них. Они были мудры и величественны и во многом походили более на Перворожденных, чем на прочих людей; ростом были высоки, выше самых рослых жителей Средиземья, а глаза их сияли ярче звезд...

В те времена нуменорцы основали на западном побережье древних земель первые большие поселения; ибо их родной край казался им тесен, и не находили они там ни радости, ни покоя, а поскольку Запад был недоступен, они возжелали богатств и власти над Средиземьем. Возвели они надежные гавани и мощные крепости и во множестве поселились там; но из помошников и наставников превратились в господ и собирателей дани. На крыльях ветров уплывали на восток их корабли и возвращались груженными доверху, так что могущество и богатство нуменорских королей все росли; и они пили, и веселились, и с головы до ног одевались в золото и серебро.

И все-таки Смерть не покинула страну, а являлась все чаще, все скорее и во все более ужасных обличьях. Ибо, если в прежние времена люди медленно старились и, устав от мира, засыпали вечным сном, то ныне безумье и слабость овладели ими; но по-прежнему боялись они умирать и уходить во тьму, во владение избранного ими же властелина; и, умирая, проклинали самих себя. В те дни люди по самому пустячному поводу хватались за оружие и убивали друг друга, ибо стали скоры на гнев; к тому же Саурон, бродя по краю, стравливал людей, так что они проклинали короля и властителей, и всякого, кто владел чем-то, чего не было у них; а стоявшие у власти жестоко мстили.

Тем не менее долго чудилось нуменорцам, что они процветают, и если счастья у них не прибавилось, то прибыло богатства и мощи. Ибо трудами и заботами Саурона их имущество множилось, и появлялись все более хитрые устройства, и строились все новые корабли. Могучими и оружными приплывали нуменорцы в Средиземье - уже не дарители и не вожди, но жестокие завоеватели. Они хватали людей Средиземья и обращали их в рабство, и присваивали себе их добро, и многих жесто-

ко умерщвляли на алтарях. Ибо в твердынях своих возвели нуменорцы храмы и гробницы; и люди боялись их, и память о добрых королях прежних дней померкла, затмившись жуткими повествованиями» (Сильмариллион. Акаллабет).

«На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива.

Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину» (Тимей, 25а-в).

«В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью, но когда становится предметом забот и оказывается в чести, то и само оно идет прахом и вместе с ним гибнет добродетель. Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достойное, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила» (Критий, 120е-121в).

Властелин Колец

Кольцо

«Никто не узнал, что случилось с Деагорлом: он принял смерть далеко от дома, и тело его было хитро запрятано. А Смеагорл вернулся один, пробравшись домой невидимкой, ибо, когда владелец Великого Кольца надевает его, он становится не-

зримым для смертных. Ему очень понравилось исчезать: мало ли что можно было эдак натворить, и он много чего натворил. Он стал подслушивать, подглядывать и пакостничать. Кольцо наделило его мелким всевластьем: тем самым, какое было ему по мерке. Родня чуралась его (когда он был видим), близкие отшатнулись. Его пинали, а он кусался. Он привык и наловчился воровать, он ходил, и бормотал себе под нос, и все время злобно урчал: горлум, горлум, горлум... За это его и прозвали Горлум; всем он был гадок, и все его гнали, а бабушка и вовсе запретила ему возвращаться в нору.

Так и бродил он в одиночестве, хныкал, урчал, ворчал и сам себе жаловался, какие все злые. Плача и сетуя, добрел он до горного холодного потока и пошел вверх по течению. Невидимыми пальцами ловил он речную рыбу и ел ее живьем. Однажды было очень жарко, он склонился над омутом, ему жгло затылок, а вода нестерпимо блестела. Ему это было странно: он совсем позабыл, что на свете есть солнце. А когда вспомнил, поднял кулак и погрозил солнцу.

Потом он глаза опустил и увидел Мглистые горы, из которых пробивался источник. И вдруг подумал:

«Ах, как прохладно и темно под этими скалами! Солнце не будет на нас там глазеть. Горы тоже пускают корни, у них есть свои тайны, и тайны эти будем знать только мы».

Ночной порою он поднялся в горы, нашел пещеру, из которой сочился темный поток, и червем заполз в каменную глубину, надолго исчезнув с лица земли. И Кольцо вместе с Горлумом поглотила первозданная тьма, так что даже тот, кто его выковал, хоть и стал могуч пуще прежнего, но был в неведении...

Надо тебе сказать, Фродо, что смертные, которым доверено владеть Магическими Кольцами, не умирают, но и не живут по-настоящему: они просто тянут лямку жизни – без веселья, без радости, да еще и с превеликим трудом. И если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает – или, как говорят Мудрые, развоплощается, – а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец. **Да, раньше или позже – позже, если он сильный и добрый, – но ему суждено превратиться в Прислужника Темных Сил, над которыми царит Черный Властелин»** (Хранители, гл.2 Тень прошлого).

«У людей была бы полнейшая возможность, как я говорю, творить все что угодно, если бы у них была та способность, которой, как говорят, обладал некогда Гиг, сын Лида. Он был пастухом и батрачил у тогдашнего правителя Лидии; **как-то раз, при проливном дожде и землетрясении, земля кое-где расселась и образовалась трещина в тех местах, где Гиг пас свое стадо. Заметив это, он из любопытства спустился в расселину и увидел там, как рассказывают, разные диковины, между прочим медного коня, полого и снабженного дверцами.** Заглянув внутрь, он увидел мертвеца, с виду больше человеческого роста. На мертвеце ничего не было, только на руке — золотой перстень. Гиг снял его и взял себе, а затем вылез наружу. Когда пришла пора пастухам собраться на сходку, как они обычно делали

каждый месяц, чтобы отчитаться перед царем о состоянии стада, Гиг тоже отправился туда, а на руке у него был перстень. Так вот, когда он сидел среди пастухов, случилось ему повернуть перстень камнем к ладони, и чуть только это произошло, Гиг стал невидимкой, и сидевшие рядом с ним говорили о нем уже как об отсутствующем. Он подивился, нащупал снова перстень и повернул его камнем наружу, а чуть повернул, снова стал видимым. Заметив это, он начал пробовать, действительно ли перстень обладает таким свойством, и всякий раз получалось, что стоило только повернуть перстень камнем к ладони, Гиг делался невидимым, когда же он поворачивал его камнем наружу—видимым.

Поняв это, он сразу повел дело так, чтобы попасть в число вестников, окружавших царя. А получив к царю доступ, Гиг совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть.

Если бы было два таких перстня — один на руке у человека справедливо-го, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет — вообще действовать среди людей так, словно он равен богу. Поступая таким образом, обладатели перстней нисколько не отличались бы друг от друга: оба они пришли бы к одному и тому же» (Государство II 359d-360b).